

Л. А. Чарская

Игорь и Милица

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Игорь и Милица / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 166 с.

ISBN 978-5-4241-2024-4

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная ВОРОНОВА, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодовитой писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-2024-4

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Игорь и Милица
(Соколята)

Повесть для юношества из великой европейской войны

Часть I

Глава I

Звук гонга прозвучал над садом и протяжно замер вдали...

И в тот же миг в алом пламени заката, охватившем пожаром старый институтский сад, в его тенистых аллеях замелькали небольшие женские фигуры, устремившиеся на главную площадку, расположенную перед крыльцом.

Второй удар гонга застал воспитанниц уже выстроившимися стройными рядами перед высоким подъездом массивного, величественного здания, с окнами, эффектно озаренными алым румянцем заходящего солнца.

Классная дама в синем платье, с очками да круглом добродушном лице, несколько раз ударила в ладони и, повышая голос, сказала:

— В пары, дети, в пары. Идем к ужину.

Стройно, двумя рядами, двинулись большие и маленькие воспитанницы в длинных форменных платьях, с белыми передниками, покрывающими цветной жесткий камлот с белыми же пелеринками, наброшенными на плечи.

— Прощай до завтра, старый сад!

Полная, русоволосая девушка, находившаяся в последней паре, беспокойно оглянулась назад.

— А где же Милица? Ты не видала ее, Наля?

Высокая шатенка Наля Стремлянова покачала своей миниатюрной головкой.

— Она, кажется, была в беседке на последней аллее. Следовало бы ее позвать. А, впрочем, это дело Ньюши. Кому же, как не нашей Гореловой позаботиться о её подруге?.. Боюсь, как бы не досталось Миле... Жаль её... Она и так ходит какая-то грустная все последнее время.

— А ты думаешь, весело жить на чужбине, да еще тогда, когда её родина переживает такие тревожные дни?

— Ах, все мы оторваны от родных, все мы здесь на той же чужбине, — немного раздраженно произнесла толстушка. — Разве тебе, Налечка, приятно прозябать нынешнее лето в институтской тюрьме? И какое глупое, какое нелепое правило оставлять выпускной класс на все лето в институте якобы для усовершенствования в церковном пении и языках! Многому мы выучимся за три месяца, подумаешь!

И толстенькая Верочка капризно оттопырила губы.

— Ну, не скажи, — начала было её подруга и замолчала, остановившись на полуфразе.

Перед обеими девушками появилась синяя фигура классной дамы, Софьи Никаноровны Кузьмичевой, дежурившей это лето у выпускных.

— Mesdemoiselles, вы не видели Петрович? Где она?

— В самом деле, где же Петрович? Где Милица? — пронеслось по рядам институток.

— В саду её нет, mademoiselle Кузьмичева. Я после первого гонга обежала все аллеи, — поспешила заявить маленькая, черноглазая, черноволосая Ада Зыркова, дежурившая в этот день.

— Не может быть, однако, чтобы она поднялась в такую рань в дортуар, —

уже заметно начиная волноваться, сказала наставница.

— Надо спросить Ньюшу. Ньюша Горелова всегда с Милицей. Попугайчики *inséparables*, Орест с Пиладом... Спросите Ньюшу! — послышалось из передних пар.

Худенькая, стройная, похожая на мальчика, с задорными карими глазами, Ньюша в тот же миг предстала перед озабоченным лицом классной дамы.

— Где Петрович? Вы не видели ее? — И глаза из-под очков пылливо и внимательно посмотрели на молодую девушку. Но карие плутоватые глазки последней стойко выдержали этот взгляд.

Хотя Ньюша Горелова, закадычная «на жизнь и на смерть» подруга молоденькой сербки Милицы Петрович, могла бы многое что рассказать, но она скорее даст отрезать себе язык, нежели выдаст подругу. Не скажет она, где её Миля, не скажет ни за что!

Потупляются лукавые, бойкие глазки, складываются с самым смиренным видом «коробочкой» руки у талии и, отвешивая низкий реверанс, черненькая Ньюша отвечает самым невозмутимым тоном:

— Я не знаю, где Петрович, *mademoiselle*. Я ничего не знаю...

Глава II

Алый пламень заката все еще купает в своем кровавом зареве сад: и старые липы, и стройные, как свечи, серебристые тополи, и нежные белоствольные березки. Волшебными кажутся в этот час краски неба. А пурпуровый диск солнца, как исполинский рубин, готов ежеминутно погаснуть там, позади белой каменной ограды, на меловом фоне которой так вычурно-прихотливо плетет узоры кружево листвы, густо разросшихся вдоль белой стены кустов и деревьев.

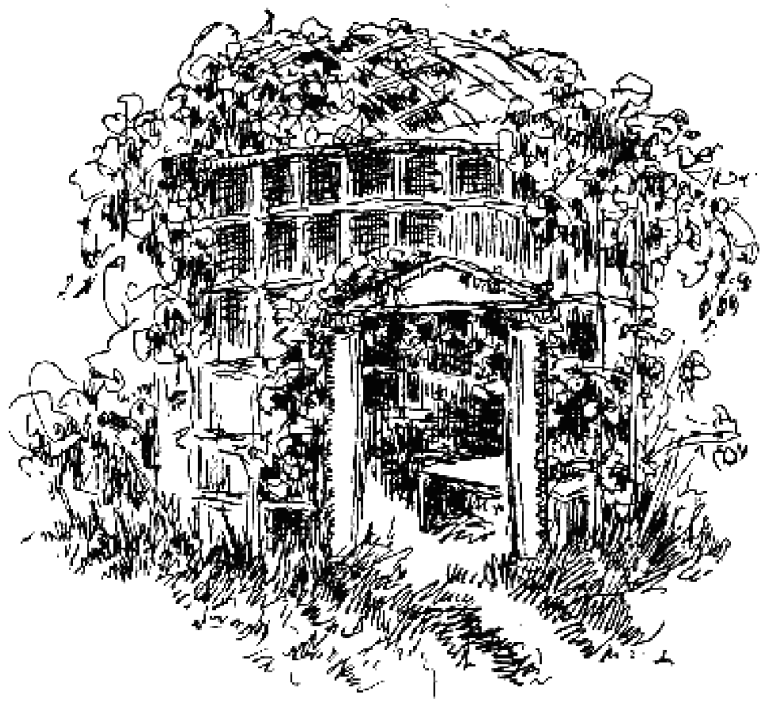
Где одна сторона каменной стены встречается, образуя угол, с другой, за плющевой беседкой, в образовавшемся за ней уютном маленьком уголке, за кустами дикого шиповника и волчьей ягоды, — там любимое место Милицы. Они, вместе с Ньюшей Гореловой, открыли его. И здесь они проводят большую часть дня, устроившись на толстом корявом суку древней вековой липы. Днем здесь тенисто и не жарко под защитой высокой стены, дающей прохладу вместе со старой липой, гостеприимно разбросавшей свои зеленые объятия, а вечером всегда чудесно-свежо и, главное, пустынно и тихо, вдали от шумного роя подруг, от доброй, но немного скучной *m-lle* Кузьмичевой, постоянно требующей от воспитанниц неизменной, то французской, то немецкой, болтовни.

Здесь же, среди кустов и зелени, под защитой белой каменной ограды, нет ни милых шаловливых воспитанниц, ни требовательной Кузьмичевой.

Даже свою любимицу Ньюшу Горелову отсылает часто отсюда Милица, чтобы, как следует, вдоволь погрезит и помечтает наедине самой с собой.

Ах, она любит эти тихие вечерние часы, эти алые закаты, это горящее гигантским рубином умирающее солнце! Любит — этот бесшумно подкрадывающийся вечер, постепенно выводящий агатовую ночь... Увы, до самой ночи ей здесь нельзя оставаться! С первым ударом вечернего гонга надо прощаться со своей милой засадой и спешить к ужину и к молитве. Какая тоска! Опять шум и гомон веселой девичьей стаи, опять периодические выкрики Кузьмичевой: «*Parlez français, mesdemoiselles, mais parlez donc français*»,¹ и милые, нежные заботы и расспросы Ньюши, от которых ей, Милице Петрович, хочется убежать и скрыть-

ся на край света порой.

Побыть бы подольше так, в тишине и покое! Отдаться сладким и грустным мыслям о далекой любимой родине, о том незабвенном и дорогом, что осталось позади, там, далеко, на берегу тихого Дуная и милой Савы.

И особенно теперь, когда темная туча собралась над родной стороной, когда последней угрожает страшная опасность от руки более могущественной и сильной соседки-Австрии, после этого несчастного убийства в Сараеве австрийского наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда,² убийства, подготовленного и проведенного какими-то ненавидящими австрийскую власть безумцами, и которое австрийцы целиком приписывают едва ли не всему сербскому народу!

Когда Милица прочла известие об этом роковом убийстве, то пришла в ужасное волнение, точно предчувствуя те последствия, которые повлечет за собой этот роковой случай. Точно кто-то шепнул Милице про эти страшные последствия для её милой родины; кто-то подсказывает ей, что грозная соседка маленькой Сербии, Австрия, придерется к роковому случаю, чтобы извлечь, возможно больше, выгод для себя за счет мирных соседских владений маленького королевства. Как и все её одноплеменники там, далеко, на берегах синего Дуная и Савы, Милица, оторванная уже шесть лет от родины, угадывала со дня Сараевского случая всю неизбежность войны. Когда же появились в газетах несправедливые, жестокие требования, предъявленные ожесточенной Австрией маленькому Сербскому королевству за Сараевское убийство, на которые всё-таки почти согласилась Сербия, и которые, однако, не умиротворили Австрию, — все еще раз поняли, что война неизбежна. Газетное сообщение о предъявленных условиях Сербии Австрией, Милица прочла накануне вместе с подругами после вечерней молитвы и теперь душа молоденькой сербки не находила себе покоя.

Шесть лет тому назад, в силу сложившихся обстоятельств, её тетка, сестра отца и вдова убитого в турецкую войну русского офицера, взяла из родительского дома тогда еще десятилетнюю девочку Милицу и привезла ее в Санкт-Петербург.

Вся семья отставного капитана Петровича, отца Милицы, сражавшегося когда-то против турок в рядах русского войска и раненого турецкой гранатой, оторвавшей ему обе ноги по колено, жила на скромную пенсию главы семейства. Великодушный русский государь повелел всех детей капитана Петровича воспитывать на казенный счет в средних и высших учебных заведениях нашей столицы.

Старшие сестры Милицы, которой еще не было тогда и на свете, Зорка и Селена, теперь уже далеко немолодые женщины, имеющие уже сами взрослых детей, получили образование в петербургских институтах. Старший брат её, Танасио, давно уже поседевший на сербской военной службе, окончил петербургское артиллерийское училище. И ее, маленькую Милицу, родившуюся больше, чем двадцать лет спустя после турецкой войны, тоже отдали в петербургский институт, как только ей исполнилось десять лет от роду.

Из всей семьи только Иоле, маленький сын капитана Петровича, бывший только на год старше Милицы, провел все свое детство на родине, под боком у престарелых родителей. Счастливчик Иоле! Он мог теперь, в это тяжелое время, быть вместе с ними! Мог обсуждать совместно с дорогими стариками грозные

обстоятельства, надвигающиеся тучей с австрийского горизонта! А она, Милица, она здесь — одна... Правда, ее любят подруги. Правда, они все здесь так предупредительны и добры к ней. Весь класс носит ее на руках, как говорится, и обращается с ней так чутко и нежно. Но никакие заботы, никакое сердечное расположение этих милых девушек не смогут заменить ей, Милице, хоть один час (хотя бы один только) пребывания её там, на родном берегу тихого Дуная, под родительским кровом милого, маленького, белого домика, среди дорогих, близких сердцу! Вместе бы надеяться и вместе бы горевать с ними в эти грозные и печальные дни! Что-то жгуче-острой волной приливает сейчас к сильно бьющему сердцу Милицы. Неудержимая грусть заставляет вдруг забиться сильно-сильно это маленькое встревоженное девичье сердечко. И синие, синие, как воды родной реки, глаза девушки туманятся теперь слезами.

Вот вспыхивает острым воспоминанием мысль... Близким воспоминанием родного прошлого... Дорогие сердцу картины, которых ни даль расстояния, ни время разлуки никогда, никогда не вытеснят у неё из головы...

Вот она, безгранично дорогая сердцу река. Сколько слез народных видели на своем веку эти тихие, безмятежные по виду воды!.. Греки, турки, болгары, австрийцы не однажды проникали сюда, в маленькое королевство, в его столицу, в белый город. На противоположном берегу реки, в какой-нибудь версте расстояния всего лишь от Белграда, стоит могущественная, сильная крепость австрийцев Землин, с дулами орудий, зловеще выглядывающими из амбразур её и направленными на сербскую столицу, утонувшую в зелени изумрудных виноградников и в кушах тенистых каштанов и тутовых садов.

Белые, чистенькие, по большей части одноэтажные домики. Изредка лишь попадаются трехэтажные здания на главной улице и на городской площади. Это — казенные здания, правительственные дома. И роскошный поэтический парк, разбитый на старых валах крепости, над самым берегом реки.

И большой, красивый королевский дворец «Новый Конак» на улице князя Михаила, с окружающим его нарядным садом...

Неподалеку отсюда кипит ярмарочная площадь. Сюда съезжаются окрестные крестьяне в повозках, запряженных волами. Здесь продают мясо, живность, поросят.

Сколько раз в раннем детстве убегала сюда вместе с Иоле, сопровождая няню Драгу, в утренние, ранние часы Милица! Синий Дунай в эти часы отливал золотом восходящего солнца. Тень бросала на дорогу изысканное кружево рисунка от листвы каштановых и тутовых деревьев. Белые домики города казались такими чистенькими, точно вымытыми чисто-начисто в этот ранний утренний час. И как весело было торговаться и спорить вместе со старой Драгой, с продавцами-крестьянами, не выпускавшими своих трубок изо ртов, под визг поросят, привязанных на веревках к колесам повозок. И потом возвращаться домой, нагруженными покупками и пить горячий турецкий мокко, мастерски приготовленный матерью. А вечером прогулки в тенистых аллеях Калемегдана³ над тихо катящим свои волны Дунаем. Впереди мать осторожно подвигает вперед кресло отца-калеки; за ними чинно выступают они дети: Иоле и Милица. На ней низка ожерелья из дукатов и праздничное нарядное платье. А маленький Иоле еще наряднее. На нем турецкий костюм: джемадан⁴ из алого бархата, суконная тюрче,⁵ подбитая мехом, силай.⁶ За него заткнуты игрушечный пистолет и ножик с руко-

